МЕТОДИКА / METHODS

Научная статья / Research Article
https://doi.org/10.11621/LPJ-25-17
УДК/UDC 159.9.07; 159.923.2

Самоотчетная конформность в структуре личностных диспозиций

А.А. Фёдоров ✉, **М.В. Злобина**

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

✉ fedleks@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Увеличение интереса к феномену конформности приводит к необходимости исследования индивидуальных факторов, влияющих на его проявление, к числу которых относятся в том числе личностные диспозиции. Существующие данные о взаимосвязи конформности и личностных особенностей отличаются противоречивостью.

Цель. Анализ связи разных типов самоотчетной конформности с личностными диспозициями и апробация шкалы моральной конформности в виртуальной среде.

Выборка. 287 человек в возрасте от 18 до 55 лет ($M_{возраст} = 24{,}2$, $SD = 9{,}3$), 215 женщин и 72 мужчины. 30 человек из общей выборки ($M_{возраст} = 19{,}1$, $SD = 2{,}77$) приняли участие в повторном тестировании для оценки ретестовой надежности авторской шкалы моральной конформности в виртуальной среде.

Методы. Шкала конформности Меграбяна и Стефл; авторская шкала моральной конформности в виртуальной среде; серия из 14 специально разработанных гипотетических сценариев, содержащих ситуации конфликта и предполагающих два варианта решения (в пользу индивида или в пользу группы); краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛОА-К); опросник «Темная дюжина».

Результаты. Апробирована шкала моральной конформности в виртуальной среде. Выявлена положительная взаимосвязь индикаторов самоотчетной конформности с показателями нейротизма, психопатии, макиавеллизма, психотизма и нарциссизма, однако при контроле показателя нарциссизма связи моральной конформности в виртуальной среде с нейротизмом и макиавеллизмом незначимы, а при контроле показателя психопатии

© Фёдоров, А.А., Злобина, М.В., 2025

незначима взаимосвязь психотизма со склонностью выбирать антисоциальные конформные ответы. Показано, что между всеми индикаторами самоотчетной конформности существуют значимые взаимосвязи, что дало основание предполагать потенциальное наличие общего латентного фактора конформности. Однако дальнейший анализ показал, что структурная модель самоотчетной конформности без общего латентного фактора лучше соответствует данным по сравнению с моделью, включающей латентный фактор. Данный результат свидетельствует о том, что разные типы самоотчетной конформности могут представлять собой независимые аспекты конформного поведения, а не проявления единой общей черты.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют в пользу существования независимых типов самоотчетной конформности, а также подтверждают наличие взаимосвязи между разными индикаторами самоотчетной конформности и взаимосвязь самоотчетной конформности с личностными диспозициями.

Ключевые слова: конформность, самоотчетная конформность, моральная конформность, личностные диспозиции, моральная конформность в виртуальной среде

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00771, тема проекта «Экспериментальный анализ факторов моральной конформности в виртуальном пространстве».

Для цитирования: Фёдоров, А.А., Злобина, М.В. (2025) Самоотчетная конформность в структуре личностных диспозиций. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 48*(2), 188–216. https://doi.org/10.11621/LPJ-25-17

Self-reported Conformity within the Structure of Personality Dispositions

Alexandr A. Fedorov ✉, **Marina V. Zlobina**

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

✉ fedleks@yandex.ru

Abstract

Background. The growing research interest in the phenomenon of conformity leads to the necessity of studying individual factors influencing its manifestation. These factors include, but are not limited to, personality dispositions. The current data

on the relationship between personality characteristics and conformity remain contradictory.
Objective. The goal is to analyse the relationship between different types of self-reported conformity and personality dispositions as well as to validate the scale of moral conformity in the virtual environment.
Study Participants. The study involved 287 subjects aged 18 to 55 years (M = 24.2, SD = 9.3), 215 women and 72 men. 30 people from the sample (M = 19.1, SD = 2.77) took part in a retest to assess the test-retest reliability of the virtual moral conformity scale.
Methods. The following instruments were used in the study: Mehrabian and Stefl Conformity Scale; the author's scale of moral conformity in virtual environment; a series of 14 specially designed hypothetical scenarios containing conflict situations and suggesting two possible solutions (in favor of the individual or in favor of the group); short form of the Eysenck Personality Inventory; the Dirty Dozen questionnaire.
Results. A scale of moral conformity in a virtual environment was tested. A positive relationship was found between the indicators of self-reported conformity and the indicators of neuroticism, psychopathy, Machiavellianism, psychoticism, and narcissism. However, when controlling for the narcissism indicator, the relationships between moral conformity in a virtual environment and neuroticism and Machiavellianism were insignificant; when controlling for the psychopathy indicator, the relationship between psychoticism and the tendency to choose antisocial conformist responses was insignificant. It was shown that there were significant relationships between all indicators of self-reported conformity, which gave grounds to assume the potential presence of a common latent factor of conformity. However, further analysis showed that the structural model of self-reported conformity without a common latent factor fits the data better than the model including the latent factor. This result suggests that different types of self-reported conformity may represent independent aspects of conformity behaviour rather than manifestations of a single, common trait.
Conclusions. The obtained results provide evidence for the existence of independent types of self-reported conformity and also confirm the presence of relationships between different indicators of self-reported conformity as well as the relationships between self-reported conformity and personality dispositions.

Keywords: conformity, self-reported conformity, moral conformity, personality traits, moral conformity in the virtual environment

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-28-00771, Experimental analysis of moral conformity factors in virtual reality.

© Fedorov, A.A., Zlobina, M.V., 2025

Для цитирования: Fedorov, A.A., Zlobina, M.V. (2025). Self-reported conformity within the structure of personality dispositions. *Lomonosov Psychology Journal, 48*(2), 188–216. https://doi.org/10.11621/LPJ-25-17

Введение

Конформность, начиная как минимум с исследований Соломона Аша, является одной из центральных тем социальной психологии. Уже более семи десятилетий ученые изучают различные аспекты конформного поведения, включая анализ ситуационных и индивидуальных факторов в его проявлении. Тем не менее результаты этих исследований зачастую противоречивы, и несмотря на многочисленные попытки (например, Nail et al., 2013), общепринятой единой теории социального давления до сих пор не создано. Это может быть связано, в частности, с различиями в методах оценки конформности: она может изучаться как посредством конструирования экспериментальных ситуаций, в которых участники сталкиваются с контролируемым давлением группы, так и с использованием самоотчетных методик. В этом контексте *самоотчетная конформность*, которой и посвящена данная статья, может быть определена как вербально выраженная готовность индивида изменять свое поведение в соответствии с источником социального давления, оцениваемая через специально разработанные вопросы или гипотетические ситуации. Фактически самоотчетная конформность представляет собой реакции на вербальные стимулы (так называемые шкалы «самоотчета»), которые не обязательно совпадают с поведением в экспериментальных ситуациях и повседневной жизни.

Традиционно феномен конформности исследовался в контексте ситуационных факторов. Изучалось влияние на конформное поведение таких параметров, как размер группы (Lowry et al., 2006), гендерный состав участников (Wijenayake et al., 2019), тип и сложность задачи (Baron et al., 1996; Rosander, Eriksson, 2012) и другие. Отметим, что в современной психологии отмечается тенденция увеличения интереса к феномену моральной конформности (Zlobina, Fedorov, 2023). Все чаще этот вид конформности изучается в контексте виртуальной коммуникации и цифрового пространства, внутри которого возникают новые формы социального взаимодействия, которые могут значительно отличаться от традиционных (Федоров, Рахманов, 2024; Bocian et al., 2024; Kelly et al., 2017). Однако наряду с ситуационными

внимание исследователей привлекают также диспозициональные факторы.

Одним из первых на взаимосвязь конформности и личности указал еще Р.С. Кратчфилд. В его исследовании было показано, что низкие показатели конформности связаны с высоким уровнем интеллектуальной компетентности, силой эго, лидерскими способностями, зрелыми социальными отношениями, отсутствием чувства неполноценности, жесткого и чрезмерного самоконтроля и авторитарной установки. Высокий уровень конформности наблюдался у испытуемых с авторитарным, тревожным, недоверчивым и конвенциональным мышлением. Корреляций с нейротизмом обнаружено не было (Crutchfield, 1955).

К. ДеЯнг и коллеги предположили, что с конформностью будут связаны такие личностные черты, как стабильность и пластичность (DeYoung et al., 2002). Стабильность и пластичность (Большая двойка) представляют собой факторы более высокого порядка (метачерты) по отношению к факторам Большой пятерки: стабильность включает низкий нейротизм, доброжелательность и добросовестность, а пластичность — экстраверсию и открытость опыту. К. ДеЯнг и коллеги отмечают, что черты, составляющие стабильность, представляют собой важные предпосылки для соблюдения культурных моральных ограничений. Пластичность, напротив, следует противопоставлять конформности, поскольку теоретически она связана с тенденцией гибко и творчески подходить к новизне, в то время как конформность, напротив, предполагает отказ от нестандартных идей и поведения, выходящего за рамки предписанного обществом (DeYoung et al., 2002). Авторы предположили, что стабильность будет положительно, а пластичность — отрицательно связана с конформизмом, таким образом, убежденные конформисты должны быть стабильными, но ригидными. Данное предположение было подтверждено в исследовании (DeYoung et al., 2002).

С. Кослофф и коллеги продемонстрировали в своем исследовании, выполненном в рамках парадигмы С. Аша, взаимосвязь конформности и метачерты стабильности: более высокие показатели стабильности были связаны с тенденцией давать конформные ответы под давлением группы. Однако, в отличие от исследования К. ДеЯнга и коллег, экстраверсия и открытость (метачерта пластичность) не коррелировали в данном исследовании с уровнем конформности (Kosloff et al., 2017).

С. Видженаяк и коллеги показали, что лица с более высоким нейротизмом и добросовестностью более склонны к конформности в онлайн-условиях (Wijenayake et al., 2020).

Несколько отличные результаты были получены в исследовании А. Франдена и С. Мадеры. Авторы исследовали взаимосвязь конформности и интеллекта, самооценки, потребности в социальном одобрении, а также черт Большой пятерки, однако ни одна из этих черт, кроме открытости опыту, не была связана со склонностью давать конформные ответы (Franzen, Mader, 2023).

Эти данные, однако, еще не дают ответа на вопрос, каков характер связи между личностными чертами и конформностью, например, в ситуации морального выбора. К примеру, в исследовании А. Кешмириан, О. Дерой и Б. Бахрами было показано, что в группе люди склонны принимать деонтологические решения. Подобная тенденция объясняется тем, что «деонтологически настроенные» члены общества воспринимаются как более надежные и вызывают большее доверие. Соответственно, чтобы выглядеть более привлекательным для членов своего коллектива, человек будет стремиться продемонстрировать просоциальное поведение (модель «демонстрации добродетели») (Keshmirian et al., 2022). Макиавеллизм как одна из черт «темной триады» характеризуется склонностью к манипулированию другими людьми, использованию их в качестве инструмента для достижения своих целей (Bereczkei et al., 2013). Т. Берецкий и коллеги показали, что в присутствии других людей «макиавеллисты» склонны вести себя иначе, нежели в отсутствие наблюдателей, и демонстрировать альтруизм и просоциальное поведение. «У них может быть своего рода мотивация впечатления: они рассматривают альтруизм как своего рода инструмент, повышающий их признание и репутацию в своей группе» (Bereczkei et al., 2013, p. 244). Можно предположить, что, если в основе макиавеллизма лежит мотивация демонстрации просоциального поведения, то, в соответствии с данными А. Кешмириан, О. Дерой и Б. Бахрами, макиавеллисты будут склонны принимать деонтологические решения в ситуации моральных дилемм. Такое предположение также согласуется с данными Д. Бостина и А. Рутса, которые показали, что испытуемые демонстрируют большую конформность в ситуации деонтологического давления (Bostyn, Roets, 2017). В то же время предположение о предпочтении лицами с высокими показателями макиавеллизма деонтологических решений вступает в противоречие с данными исследований, в которых было

показано, что лица с высоким макиавеллизмом отдают предпочтения утилитарным ответам (Bartels, Pizarro, 2011).

Таким образом, исследования, посвященные взаимосвязи личностных диспозиций и конформного поведения, дают противоречивые результаты. Вероятно, среди основных, хотя, конечно, и не единственных источников этих противоречий можно назвать различия в методах оценки конформности и в типах изучаемого конформного поведения. Как уже указывалось, некоторые исследования используют самоотчетные методы, в то время как другие моделируют давление группы в экспериментальных ситуациях. Более того, далеко не обязательно, что самоотчетная оценка конформности позволит предсказывать поведение человека в смоделированной ситуации давления (и наоборот). Необходимо учитывать и то, что конформность проявляется по-разному в зависимости от ее типа и контекста. Насколько корректно ожидать согласованных корреляций личностных черт с конформностью в отношении одобряемых обществом норм и, скажем, склонностью подчиняться антисоциальному давлению?

Принимая во внимание вышесказанное, данная статья пытается ответить на следующий исследовательский вопрос: связаны ли разные типы самоотчетной конформности с одними и теми же индивидуальными диспозициями? Обнаружение таких связей потенциально может служить аргументом в пользу существования общей латентной переменной, которая проявляется через разные виды поведения в различных ситуациях. Напротив, если согласованные корреляции будут отсутствовать, это может свидетельствовать о том, что под общим названием скрыт комплекс разнообразных поведенческих паттернов, зависящих от специфических индивидуальных и контекстных факторов.

В рамках исследования были использованы три самоотчетных инструмента оценки разных аспектов конформности, которые описаны ниже. Один из самоотчетных инструментов, направленный на оценку моральной конформности в виртуальной среде, был разработан специально для целей настоящего исследования. Выбор такого типа конформности для создания методики связан с тем, что современная цифровая коммуникация создает уникальные условия для проявления социального давления и нормативной регуляции поведения. Деперсонализующее воздействие опосредованной компьютером коммуникации может усиливать склонность к конформному поведению, создавая особую динамику социального влияния (Spears

et al., 2002). Могут, однако, происходить и противонаправленные процессы. Е.П. Белинская и В.С. Вознесенская (Белинская, Вознесенская, 2016), отмечая противоречивость и сложность нормативной регуляции поведения в цифровых пространствах, пишут о том, что эмпирические данные демонстрируют, что в сетевом взаимодействии нормы могут как ослабевать (например, в контексте «эффекта растормаживания»), так и усиливаться за счет стремления пользователей минимизировать неопределенность или укреплять идентичность. Это делает vm-конформность особой гранью конформного поведения, которая не только отражает влияние технологических факторов на социальное взаимодействие, но и раскрывает механизмы адаптации человека к новым формам коммуникации и регуляции поведения. В связи с этим разработка шкалы для оценки vm-конформности не только позволяет решать исследовательские задачи данной статьи, но и представляет потенциальный практический интерес.

Выборка

Всего в исследовании приняли участие 287 человек в возрасте от 18 до 55 лет ($M_{возраст}$ = 24,2 года, SD = 9,3), из них женщин 215 человек, мужчин — 72 человека. В выборку вошли представители различных профессий, 134 человека отметили, что являются студентами.

30 человек из общей выборки ($M_{возраст}$ = 19,1 года, SD = 2,77) приняли участие в повторном тестировании для оценки ретестовой надежности шкалы моральной конформности в виртуальной среде.

Методы исследования

1. Шкала конформности Меграбяна[1] и Стефл (Mehrabian, Stefl, 1995). Эта шкала использовалась для оценки общего уровня конформности. Конформность определяется авторами как склонность подражать другим и следовать за ними, уступать, чтобы избегать конфликтов, а также быть последователем, а не лидером. Шкала разработана в рамках модели эмоциональных состояний PAD (удовольствие, возбуждение и доминирование) и состоит из 11 утверждений, для каждого из которых нужно оценить степень своего согласия по 9-балльной шкале от –4 до 4. Русскоязычная версия продемонстрировала хорошие психометрические характеристики (Злобина, 2023).

[1] В некоторых источниках фамилия *Mehrabian* переводится как Мехрабиан или Мейерабян.

2. Шкала моральной конформности в виртуальной среде, разработанная и проходящая апробацию в рамках данного исследования. Под моральной конформностью в виртуальной среде (далее vm-конформность) мы понимаем изменение поведения, направленное на согласование действий человека с нормами и стандартами конкретной виртуальной среды или общности. Процесс разработки шкалы и ее психометрические характеристики описаны в секции результатов.

3. Серия из 14 специально разработанных гипотетических сценариев, содержащих ситуации конфликта и два варианта их разрешения: в пользу индивида или в пользу группы (конформный ответ). В 7 ситуациях из 14 конформный ответ предполагал явное нарушение социально одобряемых норм (например, фальсификацию данных, недобросовестную конкурентную борьбу, участие в высмеивании приятеля и пр.). В оставшихся 7 ситуациях однозначная моральная оценка конформного выбора невозможна. Сценарии включают в себя ситуации выбора как в реальных условиях, так и в условиях виртуальной среды. За каждый ответ в пользу группы испытуемому начисляется один балл, после чего баллы суммируются. Примеры ситуаций представлены в Приложении 1. Отметим, что в данном исследовании сценарии используются не как формализованный психометрический инструмент, а как гипотетические модельные ситуации, в которых испытуемые вынуждены выбирать между конформным и неконформным поведением.

Для оценки личностных диспозиций использовались следующие методики:

1. Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛОА-К) (Слободская и др., 2006). Методика состоит из 28 вопросов, на каждый из которых испытуемому необходимо дать ответ «Да» или «Нет». Пункты опросника группируются в четыре шкалы: экстраверсия, нейротизм, психотизм и шкала лжи (по 7 пунктов на шкалу).

2. Опросник «Темная дюжина» (Корнилова и др., 2015), направленный на оценку выраженности субклинических личностных свойств, составляющих «Темную триаду» (макиавеллизм, психопатия, нарциссизм). Опросник включает 12 утверждений (по 4 на каждую шкалу), в отношении которых участнику предлагается оценить степень своего согласия по пятибалльной шкале.

Сбор данных был организован с использованием Google-форм, статистический анализ проводился в программе jamovi 2.3.28.

Результаты исследования

1. Разработка и психометрический анализ шкалы vm-конформности

1.1. Формирование шкалы

На основе теоретического анализа было сформулировано 15 предварительных пунктов шкалы, охватывающих основные аспекты моральной конформности в виртуальной среде. Эти аспекты включали такие элементы, как подверженность влиянию норм и стандартов виртуального сообщества, готовность изменять свое поведение в соответствии с ожиданиями других участников виртуальной среды, а также стремление избегать конфликтов и поддерживать гармонию в виртуальном взаимодействии. Каждый пункт был сформулирован таким образом, чтобы охватить различные проявления vm-конформности, обеспечивая широкий спектр оценок. Для оценки понимания и актуальности пунктов было проведено пилотное тестирование с участием небольшой группы (N = 30). Участники тестирования предоставили обратную связь о ясности формулировок и релевантности каждого пункта. В результате были скорректированы формулировки некоторых пунктов для улучшения их ясности и понимания. На основе полученных данных были отобраны 10 наиболее репрезентативных пунктов для основного этапа исследования. Использовалась 7-балльная шкала ответов (от «1 — полностью не согласен» до «7 — полностью согласен»). Общая выборка из 287 человек была случайным образом разделена на две группы для проверки внутренней структуры шкалы.

1.2. Эксплораторный факторный анализ

На первом этапе (N = 143) применялся эксплораторный факторный анализ (EFA). Для всех переменных мера адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина находится в приемлемом диапазоне, с общим значением 0,835. Критерий сферичности Бартлетта значим ($\chi^2(45) = 584{,}097$, $p < 0{,}001$).

Для определения количества факторов использовался критерий Кайзера. Метод извлечения минимальных остатков в сочетании с вращением облимин показал, что 9 из 10 пунктов шкалы vm-конформности имеют значимые нагрузки на один фактор, объясняющий 41,1 % общей дисперсии (Таблица 1). Второй пункт имел нагрузку на общий фактор менее 0,4 и был исключен из дальнейшего анализа.

Таблица 1
Факторные нагрузки (N = 143)

Пункты	Факторные нагрузки	Пункты	Факторные нагрузки
1	0,624	6	0,553
2	0,369	7	0,732
3	0,592	8	0,646
4	0,654	9	0,663
5	0,713	10	0,777

Table 1
Factor loadings (N = 143)

Items	Factor loadings	Items	Factor loadings
1	0.624	6	0.553
2	0.369	7	0.732
3	0.592	8	0.646
4	0.654	9	0.663
5	0.713	10	0.777

Пункты, вошедшие в итоговый вариант шкалы, приведены в Приложении 2.

1.3. Конфирматорный факторный анализ

На втором этапе (N = 144) применялся конфирматорный факторный анализ (CFA) для проверки устойчивости однофакторной структуры 9-пунктовой шкалы. Результаты CFA показали отличное соответствие модели эмпирическим данным: RMSEA [95 % CI] = 0,055 [0,000 0,092], SRMR = 0,045, CFI = 0,964, TLI = 0,952. Коэффициент α-Кронбаха для 9-пунктовой шкалы составил 0,87 на первой подвыборке и 0,83 на второй, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности шкалы.

1.4. Надежность и валидность

Для определения минимально необходимого размера выборки при оценке ретестовой надежности (с учетом минимально приемлемого уровня r = 0,7) был проведен анализ статистической мощности с использованием программы G*Power 3.1.9.7 (Faul et al., 2007). Результаты показали, что для обнаружения указанного эффекта при уровне значимости α = 0,01 и желаемой мощности 95 % достаточно выборки из 23 участников. Ретестовая надежность шкалы была оценена на подвыборке из 30 человек с интервалом в три недели и составила r = 0,767, p < 0,001, что подтверждает стабильность измерений во времени.

Для оценки конвергентной и дискриминантной валидности был проведен корреляционный анализ. Общий показатель vm-конформности показал положительную связь с баллом по шкале конформности Меграбяна (r = 0,482, p < 0,001), что подтверждает конвергентную валидность. Связь со шкалой лжи ЛОА-К была не-

значимой (r = –0,087, p = 0,140), что свидетельствует о хорошей дискриминантной валидности.

1.5. Демографические различия

Анализ данных показал, что женщины имеют более высокие показатели по шкале vm-конформности по сравнению с мужчинами (t = 2,54, p = 0,012, d = 0,35), что может указывать на большую чувствительность женщин к социальному давлению в виртуальной среде. Также была выявлена слабая, но статистически значимая отрицательная связь между возрастом и vm-конформностью (r = –0,142, p = 0,016), что согласуется с данными некоторых исследований, согласно которым с возрастом усиливается способность противостоять социальному давлению (Castrellon et al., 2024). Впрочем, эффект очень слабый и его не стоит переоценивать. Согласно полученным данным, возраст объясняет в лучшем случае около 2 % изменчивости vm-конформности.

В целом полученные результаты указывают на то, что разработанная шкала представляет собой достаточно надежный и валидный инструмент оценки моральной конформности в виртуальной среде и может использоваться для решения поставленных в данном исследовании задач.

2. Анализ структуры связей конформности с личностными диспозициями

Учитывая используемый инструментарий, в исследовании применялись четыре индикатора конформности: усредненный балл по шкале Мегрaбяна и Стефл (Meh), усредненный балл по шкале моральной конформности в виртуальной среде (VmC), а также два показателя, рассчитанные на основе ответов на предлагаемые сценарии: отдельно суммировались ответы для ситуаций, в которых конформный ответ подразумевает явное нарушение одобряемых социальных норм (Sit1), и для ситуаций, в которых однозначная моральная оценка невозможна (Sit2).

Между этими индикаторами и показателями личностных опросников был проведен корреляционный анализ, результаты которого приведены в Таблице 2.

Между всеми индикаторами конформности обнаружены значимые взаимосвязи, что может указывать на существование общего латентного фактора конформности. Для проверки этого предположения на основе анализа корреляционной матрицы были построены две

Таблица 2
Коэффициенты корреляции Пирсона между индикаторами конформности и личностными диспозициями

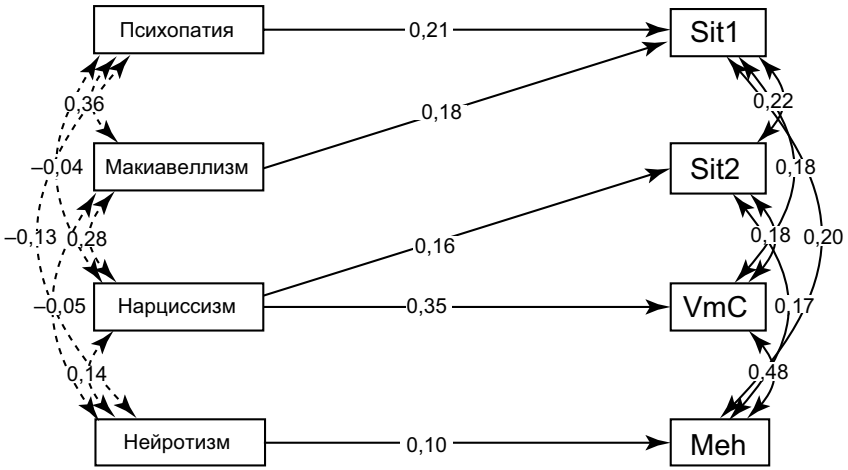
		Meh	VmC	Sit1	Sit2
Meh		–			
VmC		0,482***	–		
Sit1		0,187**	0,172**	–	
Sit2		0,183**	0,232***	0,225***	–
Триада Айзенка	E	–0,073	0,036	–0,028	–0,020
	N	0,145*	0,121*	0,025	0,038
	P	–0,032	–0,111	0,169**	0,016
	L	–0,031	–0,087	–0,123*	–0,055
Темная триада	Mach	0,084	0,197***	0,281***	0,066
	Psych	–0,103	–0,068	0,271***	0,055
	Narc	0,097	0,384***	0,017	0,169**

Примечание. Значимость: * — $p < 0{,}05$, ** — $p < 0{,}01$, *** — $p < 0{,}001$. Триада Айзенка: E — экстраверсия, N — нейротизм, P — психотизм, L — шкала лжи. Темная триада: Mach — макиавеллизм, Psych — психопатия, Narc — нарциссизм.

Table 2
Pearson correlation coefficients between conformity indices and personality dispositions

		Meh	VmC	Sit1	Sit2
Meh		–			
VmC		0.482***	–		
Sit1		0.187**	0.172**	–	
Sit2		0.183**	0.232***	0.225***	–
Eysenck's triad	E	–0.073	0.036	–0.028	–0.020
	N	0.145*	0.121*	0.025	0.038
	P	–0.032	–0.111	0.169**	0.016
	L	–0.031	–0.087	–0.123*	–0.055
Dark Triad	Mach	0.084	0.197***	0.281***	0.066
	Psych	–0.103	–0.068	0.271***	0.055
	Narc	0.097	0.384***	0.017	0.169**

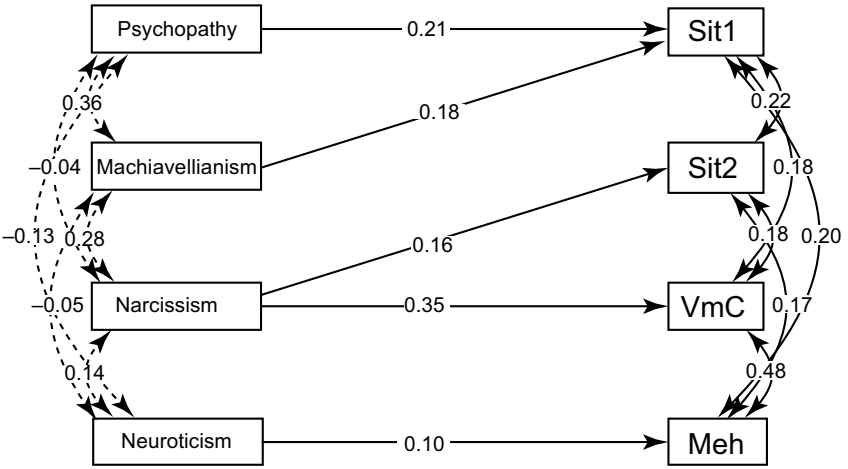
Note. Significance: * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$. Eysenck's triad: E — extraversion, N — neuroticism, P — psychoticism, L — lie scale. Dark Triad: Mach — Machiavellianism, Psych — psychopathy, Narc — narcissism.



Примечание. Пунктирными линиями обозначены связи (пути) между экзогенными переменными.

Рисунок 1

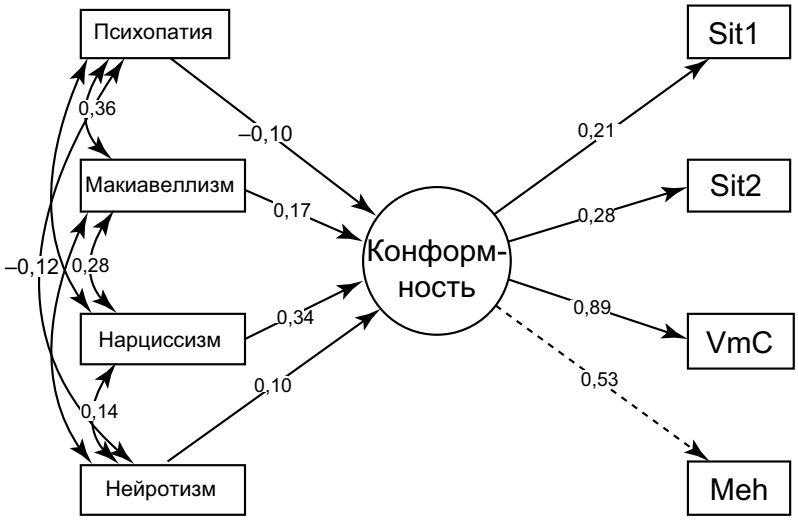
Структурная модель без латентного фактора (стандартизованное решение)



Note. Dashed lines represent the connections (paths) between exogenous variables.

Figure 1

Structural model without latent factor (standardized solution)



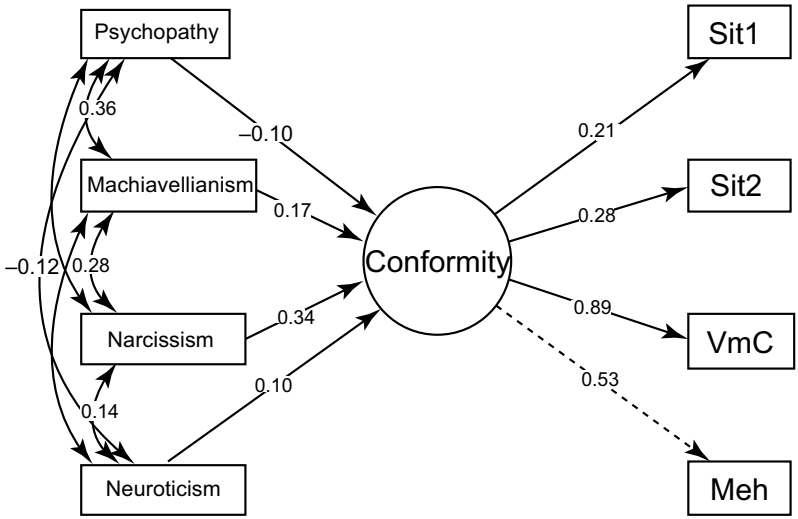
Примечание. Пунктирная линия обозначает фиксированную факторную нагрузку первого индикатора, установленную на уровне 1 (нестандартизованное значение) для задания масштаба латентной переменной.

Рисунок 2
Структурная модель с латентным фактором конформности (стандартизованное решение)

структурные модели, одна из которых предполагала существование латентной переменной, другая — нет. Поскольку частный корреляционный анализ показал, что при контроле нарциссизма связи vm-конформности с нейротизмом и макиавеллизмом становятся незначимыми, они не были включены в модели. Также в модель не включен фактор психотизма, так как при контроле психопатии его связь со склонностью выбирать антисоциальные конформные ответы становится незначимой.

Структурная модель без латентного фактора (Рисунок 1) продемонстрировала отличные показатели пригодности: RMSEA [95 % CI] = 0,040 [0,000 0,079], SRMR = 0,036, CFI = 0,975, TLI = 0,949.

Структурная модель с латентным фактором конформности, определяющим самоотчетные индикаторы (Рисунок 2), продемонстрировала существенно худшие показатели пригодности: RMSEA [95 % CI] = 0,116 [0,089 0,144], SRMR = 0,070, CFI = 0,731, TLI = 0,578.



Note. A dashed line indicates the fixed factor loading of the fi rst indicator set to 1 (unstandardized value) to establish the scale of the latent variable.

Figure 2

Structural model with latent conformity factor (standardized solution)

Обсуждение результатов

Результаты проведенного анализа показывают, что структурная модель без латентного фактора конформности лучше соответствует данным по сравнению с моделью, включающей латентный фактор. Это указывает на то, что различные типы самоотчетной конформности могут представлять собой независимые аспекты конформного поведения, а не проявления единой общей черты.

Данный результат позволяет объяснить противоречия, возникающие в исследованиях, посвященных изучению взаимосвязи конформности и личностных особенностей. Так, например, конформное поведение, подразумевающее нарушение социальных норм, становится тем вероятнее, чем выше уровни психопатии и макиавеллизма. Важно отметить, что сами подобные выборы отражают не только эти «темные диспозиции», но и конформность как таковую.

С другой стороны, конформные выборы, которые нельзя однозначно интерпретировать как социальные, а также моральная

конформность в виртуальной среде оказались связаны с нарциссизмом. Вероятно, данную взаимосвязь можно интерпретировать в рамках поведенческой стратегии «поиска репутации», основанной на ожидании социальных наград и наказаний. Формирование и развитие этой стратегии поддерживаются естественным отбором, социальной эволюцией и поведенческой обусловленностью (Bernheim, 1994). В основе этой стратегии лежит стремление человека к социальной адаптации и получению уважения, которое определяется общественным восприятием его действий. По-видимому, в социальном поведении нарциссичных индивидов этот поведенческий паттерн играет ключевую роль. Они стремятся к получению социальных наград и избеганию наказаний, что побуждает их к конформным реакциям в различных социальных ситуациях. В виртуальной среде, где социальное взаимодействие часто основано на поверхностных признаках одобрения, таких как лайки, комментарии и репосты, нарциссизм может существенно повышать вероятность конформных реакций. Однако в ситуациях, когда антисоциальное конформное поведение может вызвать осуждение со стороны более широкой социальной группы, нарциссичные индивиды могут предпочесть воздержаться от него, несмотря на внутригрупповую выгоду. Иными словами, репутационные издержки в широком социальном контексте могут превысить выгоды, получаемые в рамках конкретной общности.

Что касается нейротизма, то в нашем исследовании он оказался положительно связан с общим уровнем самоотчетной конформности. Как мы уже отмечали, предыдущие исследования в отношении этой связи противоречивы. В некоторых исследованиях выявляется положительная связь, в других — отрицательная или отсутствующая. Эти противоречия могут быть обусловлены различиями в методах измерения как конформности, так и нейротизма. В рамках модели Айзенка, которая использовалась в данном исследовании, зависимость (dependence) является одним из компонентов нейротизма (Eysenck et al., 1992). Эта зависимость предполагает склонность к тревожности и неуверенности в себе, что может способствовать повышенной конформности, так как индивиды с высоким уровнем нейротизма стремятся к поддержанию гармонии и избеганию конфликтов, что является существенным компонентом конформности в модели Мегрибяна и Стефл.

Полученные в нашем исследовании результаты свидетельствуют о необходимости целостного подхода в изучении и оценке конформ-

ности. Как указывают Н. Шер и коллеги, помимо классических экспериментальных исследований, для оценки социальной конформности используются традиционные шкалы самоотчета, метод семантического дифференциала, а также самоотчетные реакции испытуемых на гипотетические ситуации (Scher et al., 2007). При этом, как отмечают авторы, эти методы не всегда дают однозначные результаты, а уровень конформности в реальном экспериментальном исследовании, как правило, выше, чем в данных самоотчета (Scher et al., 2007). Вариативность методов оценки конформности может выступать источником противоречий в результатах различных исследований. В нашем исследовании было показано, что различные показатели самоотчетной конформности были взаимосвязаны друг с другом, однако, как показывает анализ структурных моделей, эти взаимосвязи не свидетельствуют о наличии общего латентного фактора. Это означает, что исследователям необходимо учитывать тип изучаемой конформности как при организации и проведении исследования, так и при формулировке выводов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Хотя между всеми индикаторами конформности были обнаружены значимые взаимосвязи, их сила и характер не указывают на наличие единого латентного фактора, что подтверждается плохой пригодностью структурной модели с таким фактором. Данный результат свидетельствует в пользу предположения о том, что исследуемые типы самоотчетной конформности скорее являются независимыми аспектами конформного поведения, нежели представляют собой проявления единой латентной переменной (черты).

Было показано, что конформное поведение в различных контекстах может быть связано с разными наборами диспозиций. Это позволяет объяснить противоречия, возникающие в исследованиях конформного поведения и личностных особенностей. Так, индивид, конформный в одной ситуации, может проявлять контрконформное поведение в другой. Конформность и контрконформность являются гибкими стратегиями поведения, которые адаптируются к различным социальным и культурным контекстам и зависят от множества контингенций, вплетенных в жизненную историю человека. Практически это означает, что для оценки конформности необходимо использовать специфические шкалы и методы, учитывающие контекст и тип

конформного поведения, вместо попыток измерять конформность как единое целое.

Показано, что разработанная в рамках настоящего исследования шкала vm-конформности представляет собой надежный и валидный инструмент для оценки моральной конформности в виртуальной среде, который можно использовать для решения исследовательских задач. Разработка такой шкалы представляется особенно важной в контексте возрастающей цифровизации действительности, когда большая часть жизни современного человека протекает в виртуальной среде. В этой связи возрастает необходимость исследования социальной конформности не только в реальных, но и в виртуальных условиях.

Таким образом, полученные в нашем исследовании результаты указывают на сложность и многогранность конформного поведения, а также необходимость комплексного подхода к оценке и анализу феномена конформности, в том числе в условиях виртуальной среды.

Проведенное исследование не лишено ограничений, одним из которых является использование исключительно самоотчетных мер оценки конформности. Данное ограничение определяет дальнейшие направления исследований в области изучения социальной конформности. Перспективным представляется изучение взаимосвязей самоотчетной конформности с конформностью, операционализируемой через экспериментальное давление. Сочетание методов самоотчета и экспериментальной оценки позволит обеспечить комплексное изучение феномена конформности.

Стоит также отметить, что использованные гипотетические сценарии не проходили отдельной апробации. Их основная задача состояла в том, чтобы предоставить контекстуализированные ситуации для анализа выбора участников между конформным и неконформным поведением. Обнаруженные значимые корреляции показателей Sit1 и Sit2 с общим уровнем конформности, оцененным посредством шкалы Меграбяна и Стефл, свидетельствуют в пользу пригодности сценариев для целей текущего исследования. Кроме того, корреляционный анализ показывает, что разработанные сценарии способны различать контекстуально специфические типы конформности: конформные выборы, предполагающие нарушение социально одобряемых норм (Sit1), связаны с антисоциальными диспозициями личности, такими как психопатия и макиавеллизм, тогда как конформные действия в «нечетких» моральных ситуациях (Sit2) связаны с нарциссизмом, отражая скорее стратегию «поиска ре-

путации». Такие паттерны корреляций демонстрируют способность сценариев оценивать различные аспекты конформного поведения. При этом, безусловно, их отдельная валидизация является перспективным направлением будущих исследований.

В качестве еще одного потенциального ограничения исследования выступает несбалансированность выборки по полу: женщины составляют значительное большинство (75 %). В этой связи полученные выводы требуют определенной осторожности при обобщении на популяцию с другим гендерным составом. Отметим, однако, что, хотя согласно некоторым данным пол может являться значимым фактором в проявлении конформности, в нашем исследовании структура корреляционных связей между индикаторами самоотчетной конформности и личностными диспозициями в группах мужчин и женщин оказалась весьма схожей. Проведенный сравнительный анализ показал, что различия между коэффициентами корреляционных связей во всех случаях не являются значимыми (все $p > 0{,}05$). Это позволяет предположить, что полученные результаты могут быть репрезентативными для общей популяции независимо от гендерного состава. Однако для более надежных выводов необходимы дальнейшие исследования с более сбалансированной по полу выборкой.

Практическое применение

Разработанная и апробированная в данном исследовании шкала vm-конформности позволит существенно расширить психодиагностический инструментарий, направленный на оценку конформности. Полученная в исследовании модель конформности в структуре личностных черт может быть использована при интерпретации результатов исследований, посвященных взаимосвязи конформности и личностных особенностей.

Список литературы

Белинская, Е.П., Вознесенская, В.С. (2016). Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества и реальность сетевого взаимодействия. *Психологические исследования*, *9*(48). https://doi.org/10.54359/ps.v9i48.440

Злобина, М.В. (2023). Оценка психометрических характеристик шкалы конформности А. Меграбяна и К. Стефл. *Reflexio*, *16*(2), 29–42. https://doi.org/10.25205/2658-4506-2023-16-2-29-42

Корнилова, Т.В., Корнилов, С.А., Чумакова, М.А., Талмач, М.С. (2015). Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина». *Психологический журнал*, *36*(2), 99–112.

Слободская, Е.Р., Князев, Г.Г., Сафронова, М.В. (2006). Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛОА-К) и ее использование для оценки риска употребления психоактивных веществ. *Психологический журнал*, *27*(3), 94–105.

Фёдоров, А.А., Рахманов, А.Ш. (2024). Моральная конформность при разных формах виртуального давления. *Экспериментальная психология*, *17*(1), 118–130. https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108

Baron, R.S., Vandello, J.A., Brunsman, B. (1996). The forgotten variable in conformity research: Impact of task importance on social influence. *Journal of Personality and Social Psychology*, *71*(5), 915–927. https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.5.915

Bartels, D.M., Pizarro, D.A. (2011). The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, *121*(1), 154–161. https://doi.org/10.1016/j.cognition.2011.05.010

Bereczkei, T., Deak, A., Papp, P., Perlaki, G., Orsi, G. (2013). Neural correlates of Machiavellian strategies in a social dilemma task. *Brain and Cognition*, *82*(1), 108–116. https://doi.org/10.1016/j.bandc.2013.02.012

Bernheim, B.D. (1994). A Theory of Conformity. *Journal of Political Economy*, *102*(5), 841–877. https://doi.org/10.1086/261957

Bocian, K., Gonidis, L., Everett, J.A.C. (2024). Moral conformity in a digital world: Human and nonhuman agents as a source of social pressure for judgments of moral character. *PloS ONE*, *19*(2), e0298293. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0298293

Bostyn, D.H., Roets, A. (2017). An Asymmetric Moral Conformity Effect: Subjects Conform to Deontological But Not Consequentialist Majorities. *Social Psychological and Personality Science*, *8*(3), 323–330.

Castrellon, J.J., Zald, D.H., Samanez-Larkin, G.R., Seaman, K.L. (2024). Adult age-related differences in susceptibility to social conformity pressures in self-control over daily desires. *Psychology and Aging*, *39*(1), 102–112. https://doi.org/10.1037/pag0000790

Crutchfield, R.S. (1955). Conformity and Character. *American Psychologist*, *10*, 191–198. http://dx.doi.org/10.1037/h0040237

DeYoung, C.G., Peterson, J.B., Higgins, D.M. (2002). Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? *Personality and Individual Differences*, *33*(4), 533–552. https://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00171-4

Eysenck, H.J., Barrett, P., Wilson, G.D., Jackson, C.M. (1992). Primary trait measurement of the 21 components of the P-E-N system. *European Journal of Psychological Assessment*, *8*(2), 109–117.

Faul, F., Erdfelder, E., Lang, A.-G., Buchner, A. (2007). G*Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences. *Behavior Research Methods*, *39*(2), 175–191. https://doi.org/10.3758/BF03193146

Franzen, A., Mader, S. (2023). The power of social influence: A replication and extension of the Asch experiment. *PLoS ONE*, *18*(11), e0294325. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0294325

Kelly, M., Ngo, L., Chituc, V., Huettel, S., Sinnott-Armstrong, W. (2017). Moral conformity in online interactions: rational justifications increase influence of peer opinions on moral judgments. *Social Influence*, *12*(2-3), 57–68. https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1323007

Keshmirian, A., Deroy, O., Bahrami, B. (2022). Many heads are more utilitarian than one. *Cognition*, *220*, 104965. https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104965

Kosloff, S., Irish, S., Perreault, L., Anderson, G., Nottbohm, A. (2017). Assessing relationships between conformity and meta-traits in an Asch-like paradigm. *Social Influence*, *12*(2-3), 90–100. https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1371639

Lowry, P.B., Roberts, T.L., Romano, N.C., Cheney, P.D., Hightower, R.T. (2006). The impact of group size and social presence on small-group communication: Does computer-mediated communication make a difference? *Small Group Research*, *37*(6), 631–661. https://doi.org/10.1177/1046496406294322

Mehrabian, A., Stefl, C.A. (1995). Basic temperament components of loneliness, shyness, and conformity. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, *23*(3), 253–263. https://doi.org/10.2224/sbp.1995.23.3.253

Nail, P.R., Di Domenico, S.I., MacDonald, G. (2013). Proposal of a Double Diamond Model of Social Response. *Review of General Psychology*, *17*(1), 1–19. https://doi.org/10.1037/a0030997

Rosander, M., Eriksson, O. (2012). Conformity on the Internet — The role of task difficulty and gender differences. *Computers in Human Behavior*, *28*(5), 1587–1595. http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2012.03.023

Scher, N., Thompson, T., Morgan, B.L. (2007). Self-Monitoring and Conformity: A Comparison of Self-Report and Behavioral Measures. *Psi Chi Journal of Psychological Research*, *4*(12), 186–192.

Spears, R., Postmes, T., Lea, M., Wolbert, A. (2002). When are net effects gross products? The power of influence and the influence of power in computer-mediated communication. *Journal of Social Issues*, *58*(1), 91–107. https://doi.org/10.1111/1540-4560.00250

Wijenayake, S., Berkel, N.V., Kostakos, V., Gonçalves, J. (2020). Impact of contextual and personal determinants on online social conformity. *Computers in Human Behavior*, *108*, 106302. https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.12.028

Wijenayake, S., Berkel, N.V., Kostakos, V., Gonçalves, J. (2019). Measuring the Effects of Gender on Online Social Conformity. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, *3*, 1–24.

Zlobina, M.V., Fedorov, A.A. (2023). Moral conformity through the lens of bibliometric and content analysis. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, *20*(4), 713–729.

References

Baron, R.S., Vandello, J.A., Brunsman, B. (1996). The forgotten variable in conformity research: Impact of task importance on social influence. *Journal of Personality and Social Psychology*, *71*(5), 915–927. https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.5.915

Bartels, D.M., Pizarro, D.A. (2011). The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, *121*(1), 154–161. https://doi.org/10.1016/j.cognition.2011.05.010

Belinskaya, E.P., Voznesenskaya, V.S. (2016). The Problem of Social Behavior Regulation in Theories of Information Society and the Reality of Network Interaction. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, *9*(48). (In Russ.). https://doi.org/10.54359/ps.v9i48.440

Bereczkei, T., Deak, A., Papp, P., Perlaki, G., Orsi, G. (2013). Neural correlates of Machiavellian strategies in a social dilemma task. *Brain and Cognition*, *82*(1), 108–116. https://doi.org/10.1016/j.bandc.2013.02.012

Bernheim, B.D. (1994). A Theory of Conformity. *Journal of Political Economy*, *102*(5), 841–877. https://doi.org/10.1086/261957

Bocian, K., Gonidis, L., Everett, J.A.C. (2024). Moral conformity in a digital world: Human and nonhuman agents as a source of social pressure for judgments of moral character. *PloS ONE*, *19*(2), e0298293. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0298293

Bostyn, D.H., Roets, A. (2017). An Asymmetric Moral Conformity Effect: Subjects Conform to Deontological but not Consequentialist Majorities. *Social Psychological and Personality Science*, *8*(3), 323–330.

Castrellon, J.J., Zald, D.H., Samanez-Larkin, G.R., Seaman, K.L. (2024). Adult age-related differences in susceptibility to social conformity pressures in self-control over daily desires. *Psychology and Aging*, *39*(1), 102–112. https://doi.org/10.1037/pag0000790

Crutchfield, R.S. (1955). Conformity and Character. *American Psychologist*, *10*, 191–198. http://dx.doi.org/10.1037/h0040237

DeYoung, C.G., Peterson, J.B., Higgins, D.M. (2002). Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? *Personality and Individual Differences*, *33*(4), 533–552. https://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00171-4

Eysenck, H.J., Barrett, P., Wilson, G.D., Jackson, C.M. (1992). Primary trait measurement of the 21 components of the P-E-N system. *European Journal of Psychological Assessment*, *8*(2), 109–117.

Faul, F., Erdfelder, E., Lang, A.-G., Buchner, A. (2007). G*Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences. *Behavior Research Methods*, *39*(2), 175–191. https://doi.org/10.3758/BF03193146

Fedorov, A.A., Rahmanov, A.Sh. (2024). Moral Conformity Under Different Forms of Virtual Pressure. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, *17*(1), 118–130. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108

Franzen, A., Mader, S. (2023). The power of social influence: A replication and extension of the Asch experiment. *PLoS ONE*, *18*(11), e0294325. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0294325

Kelly, M., Ngo, L., Chituc, V., Huettel, S., Sinnott-Armstrong, W. (2017). Moral conformity in online interactions: rational justifications increase influence of peer opinions on moral judgments. *Social Influence*, *12*(2-3), 57–68. https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1323007

Keshmirian, A., Deroy, O., Bahrami, B. (2022). Many heads are more utilitarian than one. *Cognition*, *220*, 104965. https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104965

Kornilova, T.V., Kornilov, S.A., Chumakova, M.A., Talmach, M.S. (2015). Methodology for Diagnosing Personal Traits of the "Dark Triad": Approbation of the "Dark Dozen" Questionnaire. *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological Journal*, *36*(2), 99–112. (In Russ.)

Kosloff, S., Irish, S., Perreault, L., Anderson, G., Nottbohm, A. (2017). Assessing relationships between conformity and meta-traits in an Asch-like paradigm. *Social Influence*, *12*(2-3), 90–100. https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1371639

Lowry, P.B., Roberts, T.L., Romano, N.C., Cheney, P.D., Hightower, R.T. (2006). The impact of group size and social presence on small-group communication: Does computer-mediated communication make a difference? *Small Group Research*, *37*(6), 631–661. https://doi.org/10.1177/1046496406294322

Mehrabian, A., Stefl, C.A. (1995). Basic temperament components of loneliness, shyness, and conformity. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, *23*(3), 253–263. https://doi.org/10.2224/sbp.1995.23.3.253

Nail, P.R., Di Domenico, S.I., MacDonald, G. (2013). Proposal of a Double Diamond Model of Social Response. *Review of General Psychology*, *17*(1), 1–19. https://doi.org/10.1037/a0030997

Rosander, M., Eriksson, O. (2012). Conformity on the Internet — The role of task difficulty and gender differences. *Computers in Human Behavior*, *28*(5), 1587–1595. http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2012.03.023

Scher, N., Thompson, T., Morgan, B.L. (2007). Self-Monitoring and Conformity: A Comparison of Self-Report and Behavioral Measures. *Psi Chi Journal of Psychological Research*, *4*(12), 186–192.

Slobodskaya, E.R., Knyazev, G.G., Safronova, M.V. (2006). A Short Form of the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ-S) and its Use for Assessing the Risk of Psychoactive Substance Use. *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological Journal*, *27*(3), 94–105. (In Russ.)

Spears, R., Postmes, T., Lea, M., Wolbert, A. (2002). When are net effects gross products? The power of influence and the influence of power in computer-mediated communication. *Journal of Social Issues*, *58*(1), 91–107. https://doi.org/10.1111/1540-4560.00250

Wijenayake, S., Berkel, N.V., Kostakos, V., Gonçalves, J. (2020). Impact of contextual and personal determinants on online social conformity. *Computers in Human Behavior*, *108*, 106302. https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.12.028

Wijenayake, S., Berkel, N.V., Kostakos, V., Gonçalves, J. (2019). Measuring the Effects of Gender on Online Social Conformity. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, *3*, 1–24.

Zlobina, M.V. (2023). Evaluation of the Psychometric Characteristics of the A. Mehrabian and K. Stefl Conformity Scale. *Reflexio*, *16*(2), 29–42. (In Russ.). https://doi.org/10.25205/2658-4506-2023-16-2-29-42

Zlobina, M.V., Fedorov, A.A. (2023). Moral conformity through the lens of bibliometric and content analysis. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, *20*(4), 713–729.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Александрович Фёдоров, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исследования морального поведения, заведующий кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности факультета медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Российская Федерация, fedleks@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1272-7859

Марина Владимировна Злобина, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории исследования морального поведения, старший преподаватель кафедры психологии личности факультета медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Российская Федерация, marinazlobina1991@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-8793-9546

ABOUT THE AUTHORS

Alexandr A. Fedorov, Cand. Sci. (Psychol.), Leading Researcher at the Laboratory of the Study of Moral Behavior, Head of the Section of Clinical Psychology, Associate Professor at the Section of Personality Psychology, V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, fedleks@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1272-7859

Marina V. Zlobina, Cand. Sci. (Psychol.), Research Associate at the Laboratory of the Study of Moral Behavior, Senior Lecturer at the Section of Personality Psychology, V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, marinazlobina1991@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-8793-9546

Поступила 18.09.2024. Получена после доработки 14.03.2025. Принята в печать 01.04.2025.

Received 18.09.2024. Revised 14.03.2025. Accepted 01.04.2025.

Приложение 1
Примеры гипотетических сценариев, содержащих ситуации конфликта, и два варианта их разрешения (в пользу индивида или группы)

Вы с друзьями играете командой в онлайн-игру по Сети. Один из игроков в вашей команде предлагает использовать чит-коды. Другие участники команды его в этом поддерживают. Вы знаете, что за использование чит-кодов возможна блокировка аккаунта. Ваши действия:

1. Поддержать использование читов и выиграть у другой команды.

2. Не поддерживать использование чит-кодов и, вероятно, проиграть игру.

Вы работаете в команде над проектом. Руководство вашей компании ожидает блестящие результаты по данному проекту, однако вы видите, что проект не оправдывает вложенных в него затрат. Ваши коллеги предлагают сфальсифицировать данные отчета, чтобы руководство не закрыло проект. Ваши действия:

1. Честно признаться, что проект провалился.

2. Поддержать коллег и представить руководству ложные данные о проекте.

Вы состоите в группе единомышленников в социальной сети «ВКонтакте». В какой-то момент вы замечаете, что ваш приятель стал объектом насмешек в комментариях в записях сообщества. Вы предпочтете:

1. Присоединиться к комментариям и, таким образом, сохранить расположение единомышленников.

2. Заступиться за своего знакомого, но в этом случае также стать вероятной жертвой кибербуллинга.

Вы вместе с друзьями посещаете выставку картин вашего общего друга. Ваши друзья высоко оценивают выставку, хотя вам она явно не нравится. Вы предпочтете:

1. Соврать о том, что выставка вам понравилась, чтобы не обижать друга.

2. Дать честную, хоть и неприятную, обратную связь своему другу.

Приложение 2
Шкала моральной конформности в виртуальной среде

Инструкция. Ниже вы увидите список общих утверждений. Возможно, вы не согласитесь с одними пунктами и согласитесь с другими. Здесь нет правильных и неправильных ответов. Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое утверждение. Затем отметьте степень своего согласия или несогласия, опираясь на следующую шкалу: 1 — полностью не согласен; 2 — не согласен; 3 — кое в чем не согласен; 4 — ни то, ни другое; 5 — кое в чем согласен; 6 — согласен; 7– полностью согласен.

1. Мои действия в виртуальном пространстве в значительной степени определяются тем, что считают другие пользователи.
2. Если мои действия в Интернете вызывают негативные реакции у других, я склонен(-на) изменить свое поведение.
3. Я часто опираюсь на рекомендации и советы других пользователей в Сети, чтобы принимать решения.
4. Мнение о моих поступках в Интернете оказывает существенное влияние на мои дальнейшие действия в Сети.
5. В случае конфликтных ситуаций в виртуальном пространстве я склонен(-на) искать компромиссы, чтобы избежать конфликта.
6. Я чувствую себя более комфортно в Интернете, когда мои действия соответствуют ожиданиям других пользователей.
7. Моральные нормы и ценности, принятые в моем виртуальном сообществе, оказывают влияние на мои решения и поступки в Сети.
8. Виртуальное сообщество имеет большое влияние на мои моральные ориентиры и поведение в Сети.
9. Я склонен(-на) приспосабливать свои действия в Сети и выражение взглядов к мнению большинства пользователей.

Appendix 1

Examples of hypothetical scenarios containing conflict situations and two options for resolving them (in favor of an individual or a group)

You and your friends are playing an online game on a team. One of the players on your team suggests using cheat codes. The other team members support him in this. You know that using cheat codes can lead to an account block. Your actions:

1. Support the use of cheat codes and win against the other team.
2. Do not support the use of cheat codes and probably lose the game.

You are working on a project in a team. The management of your company expects brilliant results from this project. However, you see that the project does not justify the costs invested in it. Your colleagues suggest falsifying the report data so that the management does not close the project. Your actions:

1. Honestly admit that the project has failed.
2. Support your colleagues and provide false data about the project to the management.

You are a member of a group of like-minded people on the social network VKontakte. At some point, you notice that your friend has become the object of ridicule in the comments of a community post. You would prefer to:

1. Join the comments and thus maintain the goodwill of your like-minded people.
2. Stand up for your friend, though in this case you will also likely become a victim of cyberbullying.

You and your friends are visiting an exhibition of paintings by your mutual friend. Your friends highly rate the exhibition, although you clearly do not like it. You would prefer to:

1. Lie about liking the exhibition so as not to offend your friend.
2. Give honest, albeit unpleasant, feedback to your friend.

Appendix 2
Moral Conformity Scale in a Virtual Environment

Instructions. Below you will see a list of general statements. Perhaps you will disagree with some points and agree with others. There are no right or wrong answers. Please read each statement carefully. Then indicate the extent to which you agree or disagree using the following scale: 1 — completely disagree; 2 — disagree; 3 — somewhat disagree; 4 — neither; 5 — somewhat agree; 6 — agree; 7 — completely agree.

1. My actions in the virtual space are largely determined by what other users think.

2. If my actions on the Internet cause negative reactions in others, I tend to change my behaviour.

3. I often rely on the recommendations and advice of other users online to make decisions.

4. Opinions about my actions on the Internet have a significant impact on my further actions online.

5. In case of conflict situations in the virtual space, I tend to seek compromises in order to avoid conflict.

6. I feel more comfortable on the Internet when my actions meet the expectations of other users.

7. The moral standards and values accepted in my virtual community influence my decisions and actions online.

8. The virtual community has a great influence on my moral guidelines and behaviour online.

9. I tend to adapt my actions online and expression of views to the opinion of the majority of users.